

Ся Хуайянь проснулся, кажется, от невыносимого жара.

Когда он открыл глаза, шторы уже были раздвинуты, и солнечный свет струился в комнату, ложась на ковёр у балконной двери.

За панорамными окнами стояла безупречно ясная погода. Судя по тому, как на зелёных листьях стоявшего на балконе безымянного растения ещё блестели капли, трудно было поверить, что прошлой ночью здесь бушевал сильнейший ливень.

Ся Хуайянь ошеломленно замер, пытаясь прийти в себя.

В глазах саднило, голова раскалывалась, а ощущение, будто его душа парит где-то далеко вне тела, заставляло Ся Хуайяня думать, что он всё ещё во сне.

— Проснулся — так вставай.

Голос раздался прямо над ухом, мгновенно возвращая Ся Хуайяня к реальности.

Повернув голову, он увидел незнакомого мужчину, стоявшего у кровати спиной к нему и державшего в руках чёрную рубашку.

На затылке незнакомца виднелась какая-то татуировка, а один только вид его мощной спины создавал впечатление человека свирепого и неприступного.

Сил у Ся Хуайяня не осталось совсем: и физическое, и моральное напряжение достигло предела.

Он тут же приподнялся на кровати, и от боли в ломящем теле воспоминания о прошлой ночи единым потоком хлынули в сознание.

Широкая, покрытая мускулами спина была исчерчена несколькими царапинами — следами столь откровенными, что даже неизменно наивный Ся Хуайянь невольно залился краской.

Впрочем, та ночь разрушила все прежние устои.

Сначала Ся Хуайянь ещё верил, что у него хватит смелости умолять Цзи Цинье о пощаде, просить дать Компании Ся шанс, но теперь он чувствовал, что перед Цзи Цинье не смеет даже поднять голову.

Он не понимал, почему повёл себя так прошлой ночью. Ему было обидно, но в то же время казалось, что Цзи Цинье, пожалуй, пострадал ещё сильнее, чем он сам.

Он-то думал, что Цзи Цинье изобьёт его, а то и вовсе выбросит вон.

В конце концов, он совершил постыдный поступок, и Ся Хуайянь, испытывая глубокую вину перед Цзи Цинье, не смел предъявлять ему больше никаких требований.

Заметив, что мужчина повернулся и смотрит прямо на него, Ся Хуайянь с чувством вины отвёл взгляд, но тут же подумал, что вести себя так невежливо — тоже нельзя. Он приоткрыл рот, и из пересохшего горла вырвалось тихое, охрипшее приветствие:

— Здравствуйте.

Слова прозвучали скомкано и невнятно, отчего лицо Ся Хуайяня то заливалось румянцем, то бледнело.

Вспомнив события прошлой ночи, Ся Хуайянь почувствовал себя несчастным. Пока Цзи Цинье не вышел, он спрятался под одеялом и тихонько поплакал, но, проронив всего пару слёз, быстро взял себя в руки.

Дверь ванной закрылась, и только тогда Ся Хуайянь позволил себе вздохнуть с облегчением.

И без того покрасневшие кончики его ушей запылали ещё сильнее, и он смущенно опустил голову.

Судя по всему, Цзи Цинье оказался неплохим человеком — вовсе не таким страшным, как о нём говорили. И хотя говорил он с ним холодно, по крайней мере, не зверствовал.

Немного помолчав, Ся Хуайянь испытал облегчение оттого, что Цзи Цинье не стал насмехаться над ним или как-то комментировать его слова, а лишь велел одеться, прежде чем уйти в ванную.

Ся Хуайянь всегда оставался романтиком, чьи взгляды на любовь отличались традиционностью и строгостью: первый поцелуй он берег для того, кого по-настоящему полюбит, а первый раз непременно должен был стать памятным, значимым и романтичным. На фоне нравов новой эпохи он, пожалуй, казался излишне щепетильным, но это было одним из немногих принципов, от которых он не собирался отступать.

В мыслях Ся Хуайяня всё ещё шла ожесточённая борьба: он вспоминал слова, сказанные Ся Сичэном перед тем, как он отправился сюда.

Произнеся это приветствие и заметив на лице Цзи Цинье едва уловимое, трудное для понимания выражение, Ся Хуайянь только теперь осознал, насколько глупо прозвучали его слова.

Одежда валялась на полу у изножья кровати, и Ся Хуайянь, дрожа и опираясь на край кровати, крошечными шажками придвинулся ближе.

В конце концов, это он сам проявил напор, а другой мужчина, возможно, лишь терпел неудобства, подыгрывая ему.

Хотя Ся Хуайянь и не был безумным романтиком, он всегда думал именно так и поступал соответствующим образом.

Едва он подумал об этом, как дверь ванной отворилась, и оттуда вышел Цзи Цинье — судя по всему, он уже умылся.

Увидев, что тот вышел, Ся Хуайянь тут же вскочил и, зажатый у края кровати, со спрятанными за спину руками и нервно теребящим край одежды пальцами, замер в ожидании заслуженного наказания.

Он был готов стерпеть и побои, и ругань — лишь бы мужчина выпустил пар.

Однако Цзи Цинье, казалось, был невероятно занят: едва выйдя, он сразу же ответил на звонок, даже не удостоив Ся Хуайяня мимолётным взглядом.

Ся Хуайянь занервничал ещё сильнее, упершись ногами в край кровати, чтобы хоть как-то удержать равновесие.

Он был смертельно уставлен.

Не будь у него на душе столь тяжёлого груза, он бы сейчас уснул прямо на месте, стоило только закрыть глаза.

Цзи Цинье с телефоном в руке направился на балкон. Высокий, с отменной осанкой, он был ярким примером того, кто выделяется из толпы подобно журавлю среди кур.

Вчера ночью ему так и не удалось хорошенько разглядеть лицо этого человека, и сейчас Ся Хуайянь смутно помнил лишь то, что у него было очень красивое и в то же время холодное лицо.

Ся Хуайянь не испытывал ни малейшего любопытства к чужим разговорам и не хотел вторгаться в чужие секреты, поэтому отвёл взгляд, изо всех сил стараясь не обращать внимания на Цзи Цинье.

И всё же до него поневоле доносились обрывки мужского голоса.

С кем бы он ни разговаривал, тон его был чуть мягче, чем при общении с ним самим — сдержанный, но терпеливый.

Ся Хуайянь расслышал, как Цзи Цинье упомянул подарки или что-то в этом роде. Наверное, собеседник был дорогим его сердцу человеком...

При этой мысли Ся Хуайянь почувствовал ещё большую вину за то, что поцеловал его прошлой ночью.

— Угу, я понял.

Цзи Цинье завершил звонок, а когда вернулся в комнату, то заметил, что Ся Хуайянь всё ещё неподвижно стоит у кровати в той же самой одежде.

Его розовая рубашка помялась, а одна пуговица посередине куда-то пропала, зияя пустой петлей.

Должно быть, её оторвали прошлой ночью, и теперь пуговица валялась где-то в комнате.

Взгляд Цзи Цинье задержался на нём на пару секунд, уголки его губ сжались, а кадык едва заметно дёрнулся.

— Почему не переоделся?

Услышав приближающиеся шаги мужчины, Ся Хуайянь поднял голову. Поколебавшись секунду, он увидел, как Цзи Цинье подошёл к кровати, взял белый бумажный пакет и протянул его ему.

Ся Хуайянь опешил и под пристальным взглядом мужчины поспешно принял ношу.

— Переодевайся, приводи себя в порядок и выходи, — Цзи Цинье бросил взгляд на наручные часы. — Моё время ограничено.

Сказав это, он отворил дверь и вышел. Ся Хуайянь не успел сказать ни слова, не говоря уже о таких неловких вещах, как извинения или мольбы о пощаде.

С вчерашнего дня и до самого этого момента Ся Хуайянь пребывал в полном оцепенении.

В бумажном пакете лежали чистая белая футболка и серые спортивные брюки — простого кроя, но ценники на них говорили о том, что одежда далеко не из дешёвых.

Ся Хуайянь заколебался: он не знал, стоит ли ему вообще их надевать.

Если он наденет их, придётся возвращать деньги, но сумма была немаленькой — за последние два года упорного труда репетитором и ассистентом на уроках танцев он накопил ненамного больше, чем стоили эти две вещи.

Хотя Семья Ся прежде купалась в деньгах, и он действительно был молодым господином из богатого дома, карманных денег ему выделяли не так уж много.

А ведь он так хотел накопить сбережений...

И всё же Цзи Цинъе только что велел ему переодеться и выходить быстрее. Он понятия не имел, зачем мужчина купил ему одежду — возможно, брезговал его грязной или порванной одеждой.

Сейчас он чувствовал себя так, будто застрял между двух огней.

Чтобы хоть как-то успокоиться перед предстоящим разговором, Ся Хуайянь яростно рисовал в воображении образ Цзи Цинъе: холодного снаружи, но мягкого внутри, — лишь бы не дрожать от страха в его присутствии.

Но стоило ему выйти из ванной, как жар на его лице вновь стал невыносимым.

То, как он выглядел в зеркале, никуда не годилось.

Цзи Цинъе вёл себя просто возмутительно.

И прошлая ночная сцена была... абсолютно возмутительной.

Ся Хуайянь шлёпнул себя по пылающим щекам и сделал несколько глубоких вдохов, чтобы справиться с паникой, после чего поспешил выйти.

Полагая, что за дверью никого нет, и размышляя, как же теперь отыскать мужчину, он только взялся за ручку и повернул её, как на пороге обнаружил тощего, высокого молодого человека.

Совершенно не готовый к такому, Ся Хуайянь испуганно отшатнулся, а затем поспешно и неуклюже кивнул гостю:

— Здравствуйте.

Мужчина в ответ тоже кивнул:

— Директор Цзи ждёт внизу, прошу за мной.

Ся Хуайянь не знал, что о нём думает этот человек — в конце концов, выход из спальни директора Цзи ранним утром вряд ли мог оставить хорошее впечатление.

Впрочем, вряд ли им еще доведётся встретиться, и от этой мысли Ся Хуайяню стало немного легче.

У входа в отель уже стояла припаркованная машина. Шедший впереди помощник отворил для него дверцу заднего сиденья.

Ся Хуайянь увидел, что Цзи Цинье сидит сзади и просматривает что-то на планшете.

Колеблясь, он пробормотал слова благодарности помощнику и забрался внутрь.

Ся Хуайянь сел вплотную к дверце. Прошла примерно минута, а помощник так и не сел в салон; в машине повисло зловещее, пугающее молчание.

Кто-то должен был заговорить первым. Будь то дела Компании Ся или события прошлой ночи — Ся Хуайянь чувствовал, что обязан сделать это сам, и потому набрался храбрости:

— Директор Цзи, я бы хотел...

На полуслове, когда Цзи Цинье поднял на него глаза, туго натянутая струна в душе Ся Хуайяня со звоном оборвалась.

Все заготовленные слова в тот же миг застряли в горле, а затем, словно вспомнив что-то, он медленно отвел взгляд.

— Директор Цзи, мне ужасно жаль за то, что произошло вчера, — всё же выдавил из себя извинения Ся Хуайянь. — Я и сам не знаю, почему всё так вышло. И... спасибо за одежду. Бирки я сохранил, я обязательно верну вам деньги.

В руках Ся Хуайянь всё ещё сжимал тот самый бумажный пакет — судя по всему, он собирался сложить туда снятую грязную одежду, чтобы забрать её домой.

То ли этот парень был глупцом, то ли притворялся дурачком: получив своё сполна, он не только извинялся перед победителем, но и, казалось, совершенно не осознавал всей серьёзности ситуации, наивно полагая, что после тайного проникновения в чужую постель сможет и дальше разгуливать на свободе, как ни в чём не бывало.

Вспомнив, как прошлой ночью Ся Хуайянь шаг за шагом подбирался к его коленям, совершенно лишенный гордости и словно привыкший унижаться, Цзи Цинъе почувствовал раздражение.

Он постукивал пальцами по колену, бросил короткий взгляд на вцепившегося в пакет Ся Хуайяня и произнёс:

— Ты думаешь, что сможешь вот так просто уйти?

Услышав это, Ся Хуайянь ошеломленно поднял голову.

В панике посмотрев на подавшегося к нему мужчину, он резко повернулся и попытался открыть дверь машины, чтобы сбежать.

Ся Хуайянь понял, что проявил излишнюю беспечность.

Ведь Цзи Цинъе не обижал его: утром даже приготовил для него одежду и не стал бранить или чинить препятствия из-за его неожиданного появления в спальне.

Пусть он был не слишком сообразителен, но всё же не до такой степени глуп. Слова Цзи Цинъе таили в себе смертельную опасность, и Ся Хуайянь интуитивно чувствовал: если он не сбежит сейчас, то потом уже не сможет.

— Компания Ся...

Два слова, сорвавшиеся с губ мужчины, мгновенно заставили пытавшегося сбежать Ся Хуайяня оцепенеть.

В тесном пространстве салона Ся Хуайянь отчетливо ощутил дыхание мужчины у самого своего уха.

— Я подумаю об этом, — вразрез с каждым словом выдохнул Цзи Цинъе, касаясь губами кончика его уха. — Но что ты можешь дать мне взамен?

<http://bllate.org/book/22055/2293379>